

УЧРЕДИТЕЛИ
Высшая школа экономики,
Фонд «Отечественные записки»
ISSN 1683-5581
ПОДПИСНОЙ ИНДЕКС
20019 в Каталоге агентства
«Роспечать» Газеты. Журналы
1-2013
КОД ИЗДАНИЯ
5704 в Каталоге «Интерпочта»

АДРЕС РЕДАКЦИИ
Москва, 101000,
ул. Мясницкая, д. 20, к. 516
тел. +7 (495) 755-6936
факс +7 (495) 755-6937
www.strana-oz.ru
E-mail: text@ozfoundation.ru

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР
Татьяна Малкина

ЗАМ. ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА
Галина Скрябина

ШЕФ-РЕДАКТОР
Никита Соколов

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ
Симон Кордонский
Виталий Лейбин
Александр Ослон
Вадим Радаев
Кирилл Рогов
Алена Солнцева
Григорий Томшин

НАУЧНЫЕ КОНСУЛЬТАНТЫ
Галина Козлова
Елена Пенская

ОТВЕТСТВЕННЫЙ
СЕКРЕТАРЬ
Екатерина Габриэлова

РЕДАКТОРЫ
Валентина Быкова
Лада Муравьева
Александр Щербаков

КОРРЕКТОР
Вера Кишиа

ЭЛЕКТРОННАЯ ВЕРСИЯ
Антон Дьяченко

МАКЕТ
Валерий Коршунов

ВЕРСТКА
Жанна Иванова

Свидетельство о регистрации
ПИ № ФС77-47567 от 02.12.2011

Редакция благодарит
за помощь в работе над номером
Мартина Гилмана,
за экспертную поддержку
Фонд Егора Гайдара

© Фонд «Отечественные записки», 2012

Отечественные записки

ЖУРНАЛ ДЛЯ МЕДЛЕННОГО ЧТЕНИЯ

Выходит с декабря 2001 года

№ 5 (50) 2012

СОЦИАЛЬНАЯ МОБИЛЬНОСТЬ

От редакции 6

ФОРМУЛЫ ДВИЖЕНИЯ

Александр Ф. Филиппов
Парадоксальная мобильность 8

Ришар Робер
Деклассирование:
новая социальная проблема? 24

Лариса Косова
Про равенство и неравенство 42

Татьяна Сидорина,
Оксана Тимченко
Социальное иждивенчество —
оборотная сторона благоденствия 58

Алексей Левинсон
Дурное образование — хороший лифт 75

Владимир Николаев
Движение ради продвижения 84

Никита Харламов
Пространства мобильного мира 95

Александр Рубцов
Власть в России: люди, лифты, коридоры 109

КНИЖНАЯ ПОЛКА

Лариса Косова
О важности слов
(О. И. Шкаратан. Социология неравенства) 121

Алексей Цветков
Повесть о двух городах
(Энрико Моретти. Новая география рынка труда.
Джозеф Стиглиц. Цена неравенства) 124

ДРУГИЕ БЕРЕГА

Филипп Гибер, Ален Мержсье
Социальный антилифт 131

<i>Уэсли Янг</i> Азиатские корни как социальный груз	145
<i>Сергей Макеев, Светлана Оксамитная</i> Социальная подвижность без выравнивания шансов	157
<u>ИСТОРИЯ</u>	
<i>Петр Мостовой</i> Правящий класс в прошлом и будущем России	167
<i>Михаил Рожанский</i> «Оттепель» на сибирском морозе	184
<i>Александр Шпагин</i> Цена успеха в советском кино	207
<u>ПРАКТИКИ</u>	
<i>Надежда Замятина, Алексей Яшунский</i> «Севера» как зона роста для российской провинции	227
<i>Юрий Плюснин</i> Отходничество в современной России	240
<i>Дарья Димке, Ирина Корюхина</i> Завод по производству времени	257
<i>Вячеслав Глазычев</i> Мишелевка	269
<i>Анна Турчик</i> Заоблачная мобильность	273
<u>ПРОДОЛЖЕНИЕ РАЗГОВОРА: ОБРАЗОВАНИЕ</u>	
<i>Рустем Вахитов</i> Служилый российский университет	285
<u>РЕЦЕНЗИИ</u>	
<i>Василий Костырко</i> Поле битвы за имперское наследство (Т. Ю. Красовицкая. Модернизация российского образовательного пространства. От Столыпина к Сталину)	302
<i>Василий Костырко</i> О трех книгах Похвала изучению «глупости» (Брайан Каплан. Миф о рациональном избирателе)	305
<i>Разрушитель иллюзий</i> (Ги Дебор. Общество спектакля)	

Плюснин Ю.М.

Отходничество в современной России

Отход, отхожие промыслы, отходник – понятия, устаревшие ещё к первой трети 20-го века, вновь стали актуальными в наши дни. По завершению советского периода российской истории, где такое явление не могло существовать в принципе, в стране вновь появилось отходничество как особая форма трудовой миграции¹. Конечно, новая форма имеет отличия от той, что существовала столетие назад, но она обладает столь важными признаками сходства с прежней, что это заставило исследователей вернуться и к прежнему, уже забытому названию «отходничество»².

Отходничество – удивительный феномен нашей социальной и экономической жизни. Удивителен он прежде всего своей незаметностью. Про отходничество и отходников не ведают не только простые люди, не ведают про них ни власть, ни учёные. И между тем, это массовый феномен: по самым приблизительным и скромным прикидкам из примерно 50 миллионов российских семей не менее 10-15, а может и все 20 миллионов семей живут за счёт отходничества одного или обоих взрослых членов. Иными словами, немалая доля ВВП страны обеспечивается отходниками, но не учитывается статистикой и не может быть учтена, потому что отходники как субъект рынка для экономической науки не существуют.

А для власти они не существуют и как объект социальной политики. Отходники находятся вне политики: они как объект управления не существуют не только для органов государственной власти, но даже и местная власть не знает про них ничего, хотя они и есть те самые жители, ради которых муниципальная власть и претворяет в жизнь одну из тех трёх общеизвестных и достойных наук управления, о коих некогда писал чиновник М.Е. Салтыков.³

Отходники не существуют и для социологической науки: мы не знаем, кто они, какую жизнь ведут, что едят, чем дышат и о чём мечтают. Не знаем, что собой представляют семьи отходников, как протекает социализация детей в них, чем они отличаются от семей соседей-неотходников.

Что же это такое – новое отходничество в России? Почему вдруг – как бы с чистого листа – возродилось спустя столетие отходничество в современной России?

Повторно, как новый массовый феномен социально-экономической жизни, возникло оно в середине 90-х годов прошлого (20-го) века. В начале 90-х годов в качестве ответа на экономический беспорядок в стране начали быстро «становиться уклады» – новые модели жизнеобеспечения населения, принуждённого к самостоятельному поиску средств выживания. Помимо создания новых моделей (такие как «челноки», впрочем, вполне родственные «мешочникам 20-х годов»), «вспоминались» и реанимировались давно забытые модели и первыми среди них были – возврат к натуральному хозяйству и возрождение отхожих промыслов. В начале 90-х годов я специально озадачился вопросом выявления и описания разнообразных моделей жизнеобеспечения, к

которым принуждено было обратиться население страны с началом «шоковой терапии» экономики. К моему тогдашнему удивлению, провинциальное население в массовом порядке стало обращаться не к современным и вызванным обстоятельствами новой жизни моделям экономического поведения («челноки» в страны Юго-Восточной Азии или «постановка на безработицу» исключительно с целью не получения мизерного пособия, а «сохранения» трудового стажа ради будущей пенсии), а к моделям давно исчезнувшим, забытым, «архаическим». Таковыми и оказались, с одной стороны, натуральное хозяйствование, массовое для целых сёл и городов (посевы картофеля в пригородах возрождались столь быстро, что возникла конкуренция за земельные участки и началось массовое воровство картошки с полей, вызвавшие самоорганизацию в формах добровольных дежурных дружин на картофельных полях), с другой стороны – как модель жизнеобеспечения, дополнительная натуральному производству – возрождение отхожих промыслов.⁴ Причём началось это новое отходничество не из своего исторического центра, из нечернозёмных областей, а с окраин, из бывших союзных республик в центр, и лишь спустя какое-то время это центростремительное движение захватило и ближние к нему области, когда-то бывшие главными районами отхода.⁵ Может быть, поэтому в отхожие промыслы ныне вовлечено не только население областей традиционного «старого отходничества», но почти всех постсоветских республик и восточных, сибирских территорий России, чего ранее не бывало.

Отходничество – явление, широко распространённое в крестьянской среде имперской России 18-го, 19-го и первой трети 20-го веков, имело характерные признаки, позволяющие классифицировать его как особую форму трудовой миграции населения. Под отходничеством понимались сезонные возвратные перемещения крестьян, преимущественно мужчин, из мест постоянного их проживания и хозяйствования в другие населённые пункты, в другие губернии с целью поиска дополнительных заработков путём разнообразных промыслов (кустарных ремёсел) или найма, предложения на стороне своих услуг. Отходничество было очень масштабным явлением: к концу 19 века от половины до $\frac{3}{4}$ всего мужского крестьянского населения нечернозёмных центральных и северных губерний каждый сезон (обычно зимой) отправлялось на заработки в соседние и дальние районы, губернии, добираясь до самых окраин империи.⁶

Предположительно, первый сильный толчок к развитию отхожих промыслов, определённо существовавших и в 16-17 веках, дало населению само государство ещё в начале 18-го века массовым принудительным перемещением крестьян на петровские «великие стройки» (Санкт-Петербург и многие другие новые города) и великие же войны (рекрутский набор).⁷ Население, пожизненно прикрепленное к земле государством, общиной или помещиком, не может без веской причины покидать мест своего проживания. Отходничество как модель экономического поведения, может сложиться лишь при наличии двух обязательных условий: в качестве предпосылки выступает относительное или полное закрепление человека и его семьи на земле, а в качестве движущей силы отходничества выступает невозможность прокорма на месте, заставляющая искать сторонние источники средств к существованию. Невозможно прокормиться было на плотно заселённых уже к 18-му веку, на бедных нечернозёмных территориях в центральной и северной России. Государство, сельский мир или барин в какой-то период «осознают» это противоречие и предпринимают соответствующие действия. Государство вывозит население на «стройки века» или «тратит» на войнах. Сельская община с большей лёгкостью отпускает на промыслы в города отдельных своих умельцев для денежных заработков, что позволяет ей легче

платить государевы налоги. Помещик уже к началу 19-го века начинает осознавать, что оброк ему выгоднее барщины и с каждым годом начинает отпускать на промыслы всё большее число крепостных, более того, начинает способствовать обучению их ремёслам. Так постепенно развивается отходничество, захватывая центральные и северные губернии Российской империи (в первых мотиватором больше выступает помещик, во вторых – скудость урожая). С середины 19-го века начинается ещё более бурное развитие отходничества, сначала стимулированное разрешением помещикам заклада имений, затем Освобождением 1961 года⁸, а к 90-м годам – бурным промышленным ростом в России,⁹ а также перенаселённостью по причине в немалой мере агрокультурной неразвитости, обусловленной сопротивлением новшествам со стороны крестьянской общины и незаинтересованностью самого крестьянина в повышению плодородия земли в условиях непрерывных земельных переделов.¹⁰ К 10-20-м годам 20-го века отходничество достигло пика своего развития¹¹, в немалой степени стимулированное кооперативным движением в провинции, которое имело гигантские темпы и приняло в России 20-х годов выдающиеся масштабы. Но затем довольно скоро отходничество сходит вовсе на нет вследствие начала индустриализации и коллективизации; оба эти взаимосвязанных процесса социально-экономического развития страны не предполагали никаких свободных, инициативных форм трудового поведения, а именно в этом и состоит суть отходничества. Каковы же его важнейшие признаки?

Важнейшими признаками, определяющими как традиционное отходничество 18 – го – начала 20-го в., так и современное рубежа 20-21 в., и отличающими его от других форм трудовых миграций населения, являются следующие.

Во-первых, это *временный, сезонный*, характер отъезда (отхода) человека из места его постоянного проживания с обязательным возвратом домой. Отходник, почти всегда мужчина, уходил в промысел после окончания полевых работ, осенью или зимой и возвращался к началу весенних работ. Семья отходника, его жена, дети, родители оставались дома и управлялись с немалым крестьянским хозяйством, где отходник по-прежнему исполнял роль хозяина и распорядителя дел.¹² Впрочем, немало отходников (обычно из трудоизбыточных центральных губерний¹³) работали и в летний сезон, нанимаясь в грузчики, бурлаки или подёнщики, но то были преимущественно молодые бессемейные и безземельные мужчины-бобыли, которых ни сельские работы, ни семья не держали, хотя и держала община, платившая за него налоги. Точно такой же сезонный характер отъезда от семьи почти всегда отходника-мужчины мы видим и сегодня.

Во-вторых, это *вынужденность* отхода, поскольку природные условия не позволяли на месте обеспечить крестьянскую семью продовольствием в необходимых объёмах и произвести добавочный продукт на продажу, чтобы иметь деньги. Потому отходничество было наиболее распространено в нечернозёмных губерниях средней полосы и севера европейской России, а в чернозёмных губерниях, на юге и за Уралом оно практически не встречалось (за исключением указанного выше особого, но широко распространённого к середине 19 века на Русской равнине случая, когда плотность населения превышала «ёмкость угодий»). Даже в пределах одной губернии интенсивность отхода могла сильно различаться от уезда к уезду, сообразно плодородию почв.¹⁴ Вынужденность современного отходничества в провинции обусловлена отсутствием или низким качеством рабочих мест – по сути, той же нехваткой на месте необходимых для жизни ресурсов.

Третьим отличительным признаком отходничества являлся его *наёмный* и *промышленный* характер: получение дополнительного заработка на стороне обеспечивалось путём промыслов – изготовления и продажи продукции разнообразных ремёсел, от валяния валенок и шитья шуб до сплава леса и изготовления срубов домов, а также наймом на разнообразные работы в городах (сторожа и дворники, домашняя прислуга) или в богатых промышленных и южных сельскохозяйственных районах (бурлаки, грузчики, подёнщики и проч.). Нынешние отходники также нередко производители продукции (тех же срубов) или услуг (извоз в т.ч. таксисты и дальнобойщики на собственных транспортных средствах), непосредственно предлагающие их на рынке. Но сейчас гораздо больше среди них работников наёмных, часто выполняющих неквалифицированные виды работ (охранники, вахтёры, сторожа, дворники, уборщики и т.п.).

В-четвёртых, наконец, важнейшим признаком отходничества являлся его *инициативный* и *самодетельный* характер: каждый человек, «выправив паспорт» или «получивши билет»¹⁵, мог покинуть место проживания на срок до года и предлагать услуги на рынке сообразно своим профессиональным умениям, нанимаясь на работы или предлагая продукцию своих кустарных промыслов. Отходники нередко отправлялись на промыслы семейными артелями из нескольких человек, обычно братьев или отцов со взрослыми детьми, причём артели эти были узкопрофессиональными, представляющими одну отдельную «профессию» или вид деятельности, как например, «каталы», валявшие валенки, шорники, шившие шубы или офени, российские самодетельные «коммивояжёры», торгующие вразнос иконами, книгами и другой «интеллектуальной» продукцией.¹⁶

Совокупность перечисленных признаков отходничества позволяет выделять этот вид трудовой миграции в особую форму, существенно отличающуюся от других способов перемещений на рынке труда. И именно в силу этих специфических особенностей отходничество не могло существовать в советское время. Невозможна была не только массовая самозанятость населения, но и массовые же сезонные перемещения людей по стране. Кустарный же характер промыслов уступил место индустриальному производству «товаров народного потребления», что уничтожило саму почву для отходничества. Формы трудовой миграции, возможные в советские годы, как, например, вахта и оргнабор («вербовка» и «вербованные»), распределение после института и свободное поселение после отсидки в лагерях и зонах («химия»), а также экзотические формы, как «шабашка» и «бичевание» – все они не имели указанных выше признаков отходничества и не могли быть поставлены хоть в какую-то логическую связь с такой формой трудовой миграции.

Напротив, в годы системного кризиса, когда экономика страны слишком быстро «перестраивалась» под «новые экономические уклады», стали развиваться и новые формы трудовой миграции. Произошла реновация отходничества как одной из самых эффективных, а теперь и самой массовой модели жизнеобеспечения. Условием же такого массового возрождения отходничества выступила нынче иная, чем прежде, форма «закрепощения» населения – теперь «квартирная крепость», отсутствие массового арендного жилья и доступной ипотеки, препятствующие семьям смену места жительства.¹⁷ Считаю, что без этой формы «крепости» не возникло бы и современное отходничество. Что оно собой представляет? Представим абрис феномена, основываясь на результатах наших полевых исследований отходничества в 2009-2012 годах.

Наши основные полевые исследования проводились в 2011 и 2012 годах при финансовой поддержке благотворительного фонда «Хамовники». Но эпизодические исследования отходничества велись нами и в 2009-2010 гг. Таким образом, в течение четырёх последних лет группа молодых исследователей под моим руководством осуществляли систематический сбор материалов, имеющих отношение к современному отходничеству. Одновременно со сбором материалов отработывалась и методология исследования отходничества. В силу особенностей объекта мы не могли с пользой для дела применить рутинные социологические методики, основывающиеся на формальных анкетных опросах и количественных методах описания явления. Акцент был сделан на качественные методы, на проведение наблюдений непосредственно в малых городах, где проживают отходники, и на интервью с ними, с членами их семей и соседями. Многие дополнительные материалы, как-то статистические и отчётные данные местных властей, архивные источники имели второстепенное значение. Приводимые ниже общие сведения о нынешнем российском отходничестве и об отходниках базируются именно на интервью и непосредственных наблюдениях в двух десятках малых городов европейской части России и некоторых сибирских районах.¹⁸

Развитие современного отходничества, несмотря на непродолжительный срок – всего менее 20-ти лет – уже, по моему мнению, прошло два этапа. Первый характеризовал собственно возникновение и нарастание массового отхода в малых городах европейской части страны, второй этап – перемещением источников отхода на восток страны и «вглубь района», из малого города в деревни.

Важнейшей особенностью первого этапа было быстрое возобновление (восстановление) отходничества в малых городах преимущественно в тех же областях, что и в имперские времена. Это процесс в середине 90-х был инициирован преимущественным действием двух факторов. Первый – это полное отсутствие рынка труда именно в малых городах вследствие «схлопывания» всякого производства в них, остановка и банкротство крупных и малых государственных предприятий в начале 90-х годов. Внезапное отсутствием работы и, соответственно, средств к жизни сразу у многих семей в таких городах усугублялось неразвитостью или даже полным отсутствием здесь подсобного хозяйства, которое в то время позволяло сельским семьям много легче пережить развал колхозов и совхозов. В те годы я бывал в посёлках, где мне рассказывали про случаи голодных смертей. А тот факт, что в те годы до половины и более всех детей-школьников питались в основном в школе, потому что дома было нечего есть, имел такие широкие масштабы именно в малых городах и посёлках, что даже не рассматривался как общественная катастрофа. Именно это безысходное положение городских семей, оставшихся без работы и не имеющих хозяйства, заставило людей спешно искать новые источники жизнеобеспечения, среди которых отхожий промысел с каждым годом – по мере развития рынка труда в областных и столичных городах – становился всё более массовым источником.

Но если этот первый фактор явился движущей силой отхода, то второй – невозможность семье переселиться ближе к месту работы в силу общеизвестных особенностей нашей жилищной системы (несмотря на, а скорее даже благодаря весьма условной приватизации жилья) – явился как раз фактором, определившим специфику трудовой миграции в форме отходничества. Без «прикреплённости» к квартире, к дому, современное отходничество не приобрело бы нынешних масштабов.¹⁹ Советские люди были достаточно подготовлены к смене

местожительства: ведь по оценкам специалистов в 90-е годы, масштабы вынужденных переселений в первую половину десятилетия после развала Союза достигали 50 миллионов человек – каждая шестая семья была «поставлена на колёса». Но для большинства семей издержки переезда на новое постоянное место жительства оказались выше издержек, связанных с хоть и длительной, но временной отлучкой одного члена семьи.

Второй этап развития современного отходничества складывается с начала 2000-х годов, протекает на наших глазах и характеризуется смещением его из районных центров (малых городов и посёлков) в сельскую местность. Вызвано это, по моему, экономической стабилизацией и ростом, которые привели к тому, что в малых городах были восстановлены прежние предприятия и возникли многие новые. Помимо новых рабочих мест, вернувших бывших отходников домой, в структуре занятости населения произошли и другие интересные изменения, связанные, по словам С.Г. Кордонского, с «достраиванием вертикали власти до уездного уровня», осуществлённым в первые два срока президентства В.В. Путина, особенно начиная с марта 2004 года.²⁰ В результате в районных центрах – наших малых городах и посёлках – значительно увеличилось число «бюджетников», в том числе служащих регионального и федерального уровней государственной власти. Теперь доля бюджетников в составе занятого населения обычно достигает 40, а кое-где даже 60-70 процентов трудоспособного населения²¹ – и именно в районных центрах, бывших немного ранее основными местами отхода. Эти две причины – рост местного производства и развитие бюджетной сферы – худо-бедно, но стали способствовать снижению масштабов отходничества в малых городах. Но тропа-то уже была проторена и «свято место пусто не бывает»: рабочие места, оставленные в столицах отходниками из городов, заместились отходниками из деревень. Если раньше безработные мужчины из деревни искали заработка в районном центре, то теперь всё большее их число путями, указанными им их коллегами из райцентров, уезжают в Город (в область) или в Подмосковье и там добывают средства для жизни.

Несколько особняком стоит процесс сдвига отходничества на восток страны, который по времени совпадает со сдвигом отхода в сельскую местность на западе её, но не обусловлен действием одних и тех же факторов. В имперские времена отходничество (за исключением гужевого извоза на дальние расстояния) было совершенно чуждо богатым сёлам и городам Сибири.²² Население там не нуждалось в поиске дополнительных заработков, будучи немногочисленным, питаясь от плодородных земель и имея достаточные денежные средства от охоты, рыболовства, скотоводства, лесозаготовок, добычи драгоценных металлов и многих иных промыслов. Нынче же факты явного отходничества открываются в Сибири повсеместно. Но структурно – насколько можно мне судить, опираясь на пока эпизодические наблюдения этого явления – отходничество в Сибири отличается от европейского следующими существенными деталями. Во-первых, в нём не замечено сколь-нибудь массово население городов; в основном в отход идут жители небольших посёлков и деревень. Во-вторых, отходничество здесь как бы «смыкается» с вахтовой формой трудовой миграции. Люди нанимаются на стройки и предприятия, прииски и рудники, откликаясь на официальные объявления. Но в отличие от вахтовых наборов, делают они это самостоятельно, и бригады комплектуют также своими силами, нередко вступая во взаимодействия с работодателем на уровне артели, а не отдельного работника.²³ Именно этим фактом – самодеятельностью, активностью трудового мигранта и отличаем мы прежде всего отходника от вахтовика, набранного по «оргнабору», почему и весьма трудно отличить удалённым взглядом отходника от вахтовика.

Естественно, что современные отходники далеко не всегда сами предлагают продукты своего труда на рынке, как это было раньше, когда значительная часть отходников являлись кустарями, выходящими на рынок со своими изделиями.²⁴ Сейчас такими можно считать немногих, например, плотников, изготавливающих срубы домов, бань и других деревянных построек и предлагающих свою продукцию на обильном рынке Подмосковья и областных городов. А часть кустарного ранее производства бытовых предметов, необходимых в повседневной жизни, но производимых отходниками, переместилась теперь в иной формат – так называемый «этно-формат»: изготовление валяной обуви, плетёных кресел, глиняных горшков и проч. кустарных изделий теперь предлагается в структуре туристского бизнеса и местами число отходников, мимикрирующих под местных жителей, в центрах скопления туристов бывает немалым.²⁵ Но большинство современных отходников нанимаются в промышленность, строительство и на транспорт, а также в охрану, торговлю, услуги и в прислугу. В этом отношении содержание деятельности отходника изменилось по сравнению с имперскими временами: отходник стал больше наёмным работником, чем индивидуальным предпринимателем (кустарём).

Основные виды занятий современных отходников весьма немногочисленны; опрос более полутысячи человек позволил нам зафиксировать не более полутора десятков видов деятельности, тогда как столетие назад в каждом крупном селе можно было насчитать до полусотни самых разных видов отхожих профессий. Сейчас же это преимущественно строительство, транспорт (есть и те, кто занимается дальним извозом на собственных грузовиках, но многие нанимаются таксистами или водителями в организации), услуги (различные виды коммунальных услуг, сопряжённые со строительством), торговля (как лоточная на городских рынках, так и в супермаркетах). Особенно популярен охранный «бизнес»: многочисленная армия охранников в офисах и на предприятиях крупных городов состоит почти исключительно из отходников. Наём на крупные предприятия для производства самых разных видов работ осуществляется организованными группами, бригадами, составленными из знакомых и родственников (артельный принцип). Как правило, такие бригады выполняют вспомогательные, чёрные виды работ.

Факт, заслуживающий особого внимания – высокая степень консервативности видов отхожих промыслов в традиционных отходнических территориях. Современные отходники «вспомнили» не только дедовы промыслы, они «вспомнили» и воспроизвели и основные профессии, бывшие характерными для этих мест сто лет назад. Так, отходники Кологрива, Чухломы и Солигалича в Костромской области основным видом отхожего промысла выбрали строительство деревянных домов (изготовление и перевоз срубов), а жители Касимова, Темникова, Ардатова, Алатыря в большинстве своём нанимаются охранниками и в торговлю.

Направления отхода нынче немного иные, чем столетие назад, но если учесть фактор изменений административно-территориального деления страны, то придётся признать, что и по направлениям отхода консервативность велика. Если раньше Заволжье «тянуло» преимущественно в Питер, то сейчас – в Москву. Но в обоих случаях в столицу. То же и с областными городами: при смене областного центра соответственно меняется и направление отхода из районных городов. Если раньше мордовские отходники ехали в Нижний, Пензу и Москву, то нынче – в Саранск и в Москву.

География отходничества расширилась, но не радикально. И в 19 веке ехали из Каргополя и Великого Устюга в Кронштадт и Тифлис наниматься в прислуги и дворники. И сейчас едут из Темникова в Якутию добывать алмазы, из Торопца и Кашина в Краснодар убирать свёклу. Поскольку скорости перемещения за столетие выросли на порядок, то и сами перемещения отходников стали более частыми. Теперь при расстояниях от 100 до 600-700 км ездят и на неделю-две, а не как раньше – на полгода-год. Но в структурном отношении география отходничества осталась, вероятно, прежней.²⁶ Как и ранее, до ½ всех отходников далеко не забираются, а ищут приработок в окрестностях 200-300 км от дома. На расстояния до 500-800 км (это соответствует перемещению на поезде или автомашине в течение примерно полусуток) уезжают не менее ¾ всех отходников, а на более дальние расстояния, когда время на дорогу начинает составлять существенную долю рабочего времени (более 1/10), уезжают уже около четверти отходников. Люди весьма детально и точно просчитывают экономические составляющие своей трудной деятельности – и не только временные затраты, но и долю заработка, приносимую в хозяйство.

Сколько же денег приносит отходник домой? Против распространённых представлений, отходник в среднем не довозит «большие тыщи» до дому. Заработок на стороне сильно зависит от квалификации и вида деятельности. Строители-плотники за сезон зарабатывают до полумиллиона, исходя из ежемесячной зарплаты в 50 и даже 100 тысяч рублей.²⁷ Но в пересчёте на месяц у них будет выходить 30-50 тысяч. Работающие в промышленности, на транспорте и строительстве зарабатывают поменьше – от 30 до 70 тысяч, но работают почти круглый год. Менее квалифицированные отходники зарабатывают до 20-25 тысяч, а охранники – до 15 тысяч (но надо иметь в виду, что и «работают» они две недели в месяц). На круг получается 300-500 тысяч рублей у квалифицированного отходника и 150-200 тысяч – у неквалифицированного. Этот заработок в среднем выше, чем если бы человек работал в своём городе: здесь средний заработок не превышает 100-150 тысяч рублей в год (в большинстве малых городов и деревень заработок бюджетника составляет сейчас от 5 до 10-12 тысяч рублей т.е. в год около 100 тысяч, но найти работу даже на 10 тысяч на месте практически невозможно – все места заняты).

Так что отходником быть выгодно. Правда, высококвалифицированным отходником и то в сравнении со своими соседями-бюджетниками или безработными. Потому что если вычесть расходы, которые принуждён отходник нести во время работы, то в итоге получится не столь уж великая сумма. По нашим данным, несмотря на обычно крайне плохие условия жизни отходника на месте его работы, несмотря на его стремление максимально сэкономить заработанное и привезти больше денег домой, при среднем заработке в 35-40 тысяч рублей он вынужден потратить около 15 тысяч рублей в месяц на своё проживание в городе. Обычно жильё стоит около 5 тысяч (в областных городах и столицах тратят на жильё почти одинаково, но в столице снимают жильё на 5-10 человек и спят нередко посменно). Примерно столько же тратит отходник на скверное питание «продуктами быстрого приготовления». Транспорт и прочие расходы (крайне редкие развлечения) забирают у него ещё 5 тысяч. Так что домой привозит отходник не 50-70 тысяч, как говорит, а обычно не более 20-25 тысяч ежемесячно. Отходники-охранники при невысоком окладе в 15 тысяч имеют бесплатный ночлег и живут в радиусе до 500 км от столиц, так что и им удаётся привезти домой до 10 тысяч в месяц.

Что же дома у отходника? Здесь у него семья, хозяйство и соседи. Очень важный факт: никто из отходников не собирается переезжать в Город или в столицу, чтобы жить поближе к работе. Все они хотят жить там, где живут и сейчас. Да и работать они хотят здесь же. Но не удовлетворяются тем, что имеют или могли бы иметь, поскольку потребности этих людей выше наличного предложения. Этой особенностью – более высокими материальными запросами – и отличаются, между прочим, отходники от своих соседей, которые в отход идти не желают. Между прочим, этим же качеством отличались от своих соседей отходники и столетие назад.²⁸

Зачем им более высокие запросы, чем у соседей? Отходник хочет тратить дополнительные доходы по совершенно определённым статьям расходов семьи. Он желает обеспечивать благосостояние семьи на достойном уровне. Почти у всех отходников основные статьи расходов одинаковы. Их четыре. Это ремонт или строительство дома (в том числе строительство нового для взрослых детей).²⁹ В среднем на ремонт-строительство тратится в год от 50 до 150 тысяч рублей. Во вторую очередь автомобиль (теперь нередко и два), а также трактор, культиватор, грузовик, снегоход и даже квадроцикл. Обычные траты на технику – 50-100 тысяч в год. Транспорт необходим отходнику для работы – многие из них сейчас предпочитают передвигаться бригадой на автомобиле (расходы на поезд стали существенно выше, чем раньше). Транспорт – и средство дополнительного заработка в межсезонье (подработка извозом людей и пиломатериалов, дров и навоза; трактор в малом городе и в селе – это как лошадь в прежние годы – вспахать огород, разгрести снег и проч. – это всё виды весьма востребованных работ). Конечно, городскому жителю снегоход и квадроцикл кажутся развлечением (это так для него самого), но в провинции этот транспорт помогает людям и в сборе дикоросов (грибов и ягод), и в добыче дичины (используются в охотничьем промысле). В третью очередь заработанные деньги откладываются на накопления на будущие или текущие затраты семьи на профессиональное обучение детей и их проживание в Городе. Поскольку в большинстве своём дети учатся в областном городе, затраты на обучение составляют также 70-100 тысяч (около 30-60 тысяч составляет оплата обучения и до 40-50 тысяч уходит на оплату достаточно дешёвого жилья, остальное добавляют сами работающие студенты). Наконец, это развлечение – отпускные траты – многие отходники ежегодно возят жену и детей на заграничные курорты, затрачивая на такое дело в среднем до 80-100 тысяч.

Вот на эти четыре основных статьи необходимых и престижных расходов и тратят всё заработанное отходники. Структура расходов, таким образом, в семьях отходников может сильно отличаться от таковой в семьях бюджетников или пенсионеров. Поскольку по этому признаку отходники выделяются среди своих соседей, это способствует развитию зависти и недоброжелательного отношения к ним. Так и было в 90-е годы (хотя челноки вызывали зависти и недовольства больше), но в 2000-е доля отходников среди населения сильно выросла и теперь скорее они стали законодателями мод, на них равняются и стараются не отстать завидующие соседи. В целом же отношения с соседями у отходников обычные, добрые; соседи давно поняли, насколько труд отходника тяжёл, зависть переложена жалостью. Да и престижного потребления отходника соседям не видно: рассказы о том, где были и на каких пляжах загорали – это не роскошные автомобили и богатая мебель, воочию завидовать нечему.

А вот реальный общественный статус отходника не составляет предмета зависти соседей. Отходник в местном обществе часто не располагает многими ресурсами,

к которым допущен бюджетник, особенно бюджетник на государственной службе. В малом городе человек, получающий жалование на порядок меньшее, чем заработок отходника, располагает существенно большими возможностями доступа к разнообразным нематериальным ресурсам, к власти, к локальным дефицитам, к информации, наконец. Семья отходника пока ещё не ощущает дискриминации в сфере общего образования, но уже есть признаки её в доступности услуг здравоохранения, особенно когда речь зайдёт о сложных операциях и редких лекарствах, распределяемых как дефицит. Уже резко проявляются различия в доступе к «собесовской кормушке»: отходнику труднее получить разнообразные льготы, практически очень трудно «получить инвалидность» (очень полезная льгота, о которой мечтают многие; потому, в частности, у нас в стране так много «инвалидов»). Семьи отходников сталкиваются с большими, чем соседи, трудностями, например, в такой специфической области экономики домохозяйства, как жизнеобеспечение семьи за счёт приёмных детей: шанс организовать семейный детский дом ниже. Иными словами в социальном государстве эти люди, по всем признакам ничем неотличимые от остальных, всё же оказываются подальше от «кормушки».

Причина этого видится мне в «удалённости от государства» людей с таким образом жизни.³⁰ Ни местная муниципальная власть, ни тем более государственная, не «видят» этих людей ни в качестве трудовых ресурсов, ни в качестве объекта для попечения, достойного общественных льгот. Значительная часть отходников не регистрируют свою деятельность, оказывают услуги, минуя государство. Плоды их труда государство не вкушает. Их перемещения по городам и регионам не могут быть прослежены. Они неконтролируемы, не «прописаны», не «укрепощены». Между тем, если исходить из нашего предположения, что едва ли не 2/5 всех российских семей участвуют в отхожих промыслах,³¹ то объём «невидимой» для государства (и потому «теневой») производящей деятельности такой массы людей представляется огромным. Но так ли нужен государству этот «огромный невидимка»? Он, почти исключённый из социальных государственных программ, находящийся вне государственного контроля экономики, исключён ведь и из политической деятельности. Хотя отходники и участвуют в «электоральном процессе» (правда, многие утверждают, что на выборы они не ходят), они по большому счёту неинтересны власти как неважные политические субъекты. Много важнее для власти – а особенно для муниципальной – те, кто желают «получать зарплату» и иметь регулярные и стабильные пенсионные перечисления. От них, бюджетников и пенсионеров, зависит благополучие и спокойствие местных чиновников, и на них он и обращает преимущественное внимание. Отходник слишком в стороне от местной власти. Он полезен ей только лишь тем, может быть, что находится в составе постоянного населения на муниципальной территории и на его душу развёрстывается доля дотаций и субсидий, получаемых местной администрацией для обустройства вверенной территории. Вот этим «душевым паем», как учётная демографическая единица только и полезен отходник. Он, правда, говорят, привозит много денег и тем самым вроде бы стимулирует экономику района, повышая покупательную способность населения. Это обычно единственный аргумент в пользу отходника. Но так ли уж важно это для местной администрации? Тем более, что основная трата привезённых отходником денег происходит не в районе, не в своём городе, а опять же в крупных городах – и строительные материалы и машины он покупает не в своём городе, детей он тоже здесь не учит, и жена в отпуске тратит деньги не здесь.

Вот и имеем мы парадокс «невидимости» огромного, хотя и существующего рядом с нами феномена современного отходничества. Но существование отходничества как факта социальной жизни страны заставляет обсуждать не только экономические, но социальные и политические последствия, могущие или уже проистекающие из него. В чём могут выражаться эти последствия? По сути, наблюдаемая сейчас повсеместно ситуация сегрегационного взаимодействия органов местной власти с разными группами местного населения приводит к нарушению системы взаимосвязей между институтом муниципальной власти и местным обществом. Местная власть ориентируется не на активную часть общества, а на «рентные» группы населения, бюджетников и пенсионеров, которые, с одной стороны, целиком зависят от распределяемых государством ресурсов, но с другой – активно участвуют в электоральном процессе. Группы же активного населения – прежде всего и преимущественно активное самодеятельное население, предприниматели и отходники, – выпадают из "поля зрения" органов местного самоуправления. Такой глубокий институциональный дефицит детерминирует перекос всей системы управления на местном уровне, оно перестаёт быть эффективным. Нарушение взаимодействия власти с наиболее активной и самостоятельной частью местного общества закрывает возможности вывода местного публичного управления на тот более высокий управленческий горизонт, который характеризуется, по общему мнению, таким важнейшим признаком, как наличие институтов гражданского общества и их включённость в систему публичного управления. Участие же «рентного» населения никогда не обеспечит развития гражданского общества. Более того, оно заинтересовано исключительно в распределительных, раздаточных отношениях, а не в отношениях партнёрства, безусловно необходимых для выстраивания гражданских институтов. Итак, не замечая и старательно избегая тех, кто только и может выступить союзником власти в создании новой политической реальности с развитыми элементами гражданского общества, власть разрушает фундамент общественной стабильности. Первые результаты этого разрушения мы видим в разных формах отчуждения и пренебрежения со стороны активной части нашего общества, демонстрируемые всё явственнее власти.

Если же говорить о возможных социальных последствиях деления местного общества на активную и пассивную части, то здесь видятся следующие риски. Российское местное (провинциальное) общество в высокой степени солидарно, имеет значительный потенциал самоорганизации. Большая доля активных, самодеятельных людей в нём сама по себе является важным условием стабильности и солидарности. Однако если в такой среде начинает действовать фактор, расщепляющий общество и способствующий возникновению противостояния между группами населения, перспективы общественного развития неблагоприятны. Всего хуже, что таким фактором сейчас выступает институт власти. Дизруптивное действие его направлено не только на общественную солидарность, он подавляет и развитие института местного самоуправления. Возникает, таким образом, ситуация, когда отходничество как новый социальный феномен, сформировавшийся для решения задач непосредственного жизнеобеспечения, в условиях вполне рутинных действий социального государства, по природе своей ориентированного на поддержку пассивной части общества, может стать питательной средой для нарастания социальной напряжённости и взрастить ростки новых отношений, раскалывающих традиционную стабильность провинциального общества.

Благодарности

Наши эмпирические исследования современного отходничества финансировались из трёх источников. Основные средства были выделены Благотворительным фондом «Хамовники», частично в 2010-2011, а специальный грант на изучение отходничества был получен в 2011-2012 гг. (грант № 2011-001 «Отходники в малых городах»). В 2011 г. была оказана финансовая поддержка Российским гуманитарным научным фондом на проведение экспедиций по этой теме (грант № 11-03-18022е). В 2012 г. на исследования взаимодействия активного населения (в т.ч. отходников) с муниципальной властью поддержаны грантом Научного фонда НИУ ВШЭ в 2012 г. (грант № 11-01-0063 «Станет ли экономически активное население союзником муниципальной власти? Анализ нарушений в системе взаимосвязей институтов местного общества и власти»).

Значительную работу по сбору полевого материала в 2009-2012 гг. осуществила под моим руководством группа молодых исследователей – Я.Д. Заусаева, Н.Н. Жидкевич и А.А. Позаненко. Помимо этих основных исследователей в работе по сбору материалов эпизодически принимали участие ещё 14 человек, аспиранты и студенты факультета государственного и муниципального управления Национального исследовательского университета – Высшей школы экономики. Я с большим удовольствием выражаю благодарность всем участникам исследования.

Примечания и библиография

¹ Виды или формы трудовой миграции устанавливаются исследователями довольно произвольно, как правило, феноменологически, когда «схватывается» один-два характерных, отличительных признака, по которым и выделяется соответствующий вид трудовой миграции; нередко используются термины, сложившиеся в публичной среде. Таковы, например, «гастарбайтеры», «челноки», «шабашники», «вербованные», «вахтовики», «бичи» и, наконец, «отходники». Устанавливаемые самими социологами термины корявее, беднее по содержанию («маятниковые мигранты», например). Интересные замечания относительно формирования в СССР и современной России некоторых видов экономической активности, связанных с трудовой миграцией приведены в статье: Шварцбург Ц.В. Малый бизнес в российской олигополистической экономике // *Journal of Institutional Studies* (Журнал институциональных исследований), 2011. – Т. 3. - № 2. – С. 59 – 97. Достаточно концептуальные описания трансграничной миграции и отходничества как отдельного вида трудовой миграции приведены, например, в работе: Дятлов В.И. Трансграничные мигранты в современной России: динамика формирования стереотипов // *Полития*, 2010. - № 3-4 (58-59). С. 121-149;

² Любопытно, что в тех областях страны, где отходничество было распространено в имперские времена, современные отходники тем же словом стали называть и самих себя. Более того, в Костромской области мы обнаружили, что эти люди не только знают исходное значение термина «отходничество» - в отличие от большинства социологов и экономистов, – но помнят, что отходниками были их деды и прадеды.

³ Как известно, согласно М.Е. Салтыкову (Щедрину), из трёх достойных наук управления вторая – «наука о необходимости очищать улицы от навоза» – и есть наука муниципального управления (см., напр.: Салтыков-Щедрин М.Е. История одного города. Оправдательные документы. 1. Мысли о градоначальническом единомыслии, а также о градоначальническом единовластии и о прочем // Салтыков-Щедрин М.Е. Собр. соч. в 20-ти томах. Т. 8. – М.: Худ. лит-ра, 1969).

⁴ См., к примеру: Плюснин Ю.М. Модели жизнеобеспечения поморского населения Русского Севера в современных условиях // Вестник РГНФ. – М., 1997. -- № 3. – С. 180-192.

⁵ По важнейшим признакам отходничество, как российская внутренняя трудовая миграция, неотличима от сезонной трудовой миграции на «постсоветском пространстве» в Россию из таких новейших государств как Украина, Молдавия, Узбекистан, Киргизия, Таджикистан, Туркменистан. Да и по природе своей эти, ныне трансграничные, а по сути внутристрановые, трудовые миграции родственны.

⁶ Согласно Большой Советской энциклопедии, отходничество – это «временный уход крестьян в России с мест постоянного жительства в деревнях на заработки в районы развитой промышленности и сельского хозяйства..... При отходничестве крестьянин становился на время наёмным рабочим... Наибольшего развития получило в Центральном промышленном районе, приуральских и северных губерниях ввиду неблагоприятных условий для сельского хозяйства в этих районах и наличия возможностей для внеземледельческих заработков. Из деревень Московской, Ярославской, Костромской, Владимирской губерний в 50-х гг. 18 в. уходило 15-20% мужского населения. В 1-й половине 19 в. насчитывалось свыше 1 млн. крестьян-отходников» [БСЭ, <http://bse.sci-lib.com/article085855.html>]. Однако, такие оценки даже для начала 19-го века занижены. К концу 19-го века и до 20-х годов 20-го века доля крестьянского мужского населения, отправлявшаяся в отхожие промыслы, местами достигала 80-90 % (см., напр.: Владимирский Н.Н. Отход крестьянства Костромской губернии на заработки. – Кострома: Издание Костромского губстатотдела, 1927. – 204 с.

⁷ Мнение о том, что толчок именно массовому отходничеству в России был дан реформами Петра Великого, «сдвинувшими» население страны в столицы и на рубежи, было общепринятым среди исследователей в 19-начале 20 вв. (см.: Готье Ю. Замосковский край в XVII веке. – М., 1903; Владимирский Н.Н. Отход крестьянства Костромской губернии на заработки. – Кострома, 1927. – С. 51-74; Казаринов Л. Отхожие промыслы Чухломского уезда. – Чухлома, 1926. – С. 1-4; Кулишер И.М. История русского народного хозяйства. – М., 2005; Собянин В.А. Ростовский уезд (Краткий краеведческий очерк). – Ростов-Ярославский, 1926. – С. 28-30; Соловьёв А.Н. Питерщики-галичане (Этнографический очерк). – Галич, 1928).

⁸ Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.). в 2-х томах. – СПб, 2003.

⁹ Давыдов М. «Голодный экспорт» в истории Российской империи // <http://www.polit.ru/article/2012/06/26/hunger>.

¹⁰ См. подробнее об этом факторе, влиявшем на развитие отходничества: Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.). Том 1. Глава VII. Главные социальные организации крестьянства, городского сословия и дворянства: генезис личности и индивидуализма. – СПб, 2003. – С. 429-486, а также: «Столыпинская аграрная реформа: замысел и реализация». Лекция Михаила Давыдова 8 февраля 2010 в клубе Bilingua. <http://www.polit.ru/article/2007/02/08/davydov>.

¹¹ Например, по данным Владимирского, до 70-90% крестьянских хозяйств в некоторых уездах Костромской губернии в 1923-1924 гг. отправлялись на промыслы (Владимирский Н.Н. Отход крестьянства Костромской губернии на заработки. – Кострома, 1927. – С. 76-121).

¹² Чухломские женщины, по описаниям Л. Казаринова, за неимением в городе мужиков, вместо них ведут все хозяйские дела, в том числе и в кабаки ходят (Казаринов Л. Отхожие промыслы Чухломского уезда. – Чухлома, 1926. – С. 15-17).

¹³ Об избытке крестьянского населения к концу 19-го века в центральных губерниях России, напр., Смоленской, Тверской, Нижегородской, Самарской, Вятской, свидетельствует плотность сельского населения, достигавшая 50-70 человек на квадратный километр; такая плотность не позволяла обеспечить их продовольствием с располагаемых сельхозугодий при тогдашней урожайности зерновых культур и площади покосов, не позволявшей увеличить поголовье скота (см. об этом «Столыпинская аграрная реформа: замысел и

реализация». Лекция Михаила Давыдова 8 февраля 2010 в клубе Bilingua.
www.polit.ru/article/2007/02/08/davydov.)

¹⁴ Например, по данным, приводимым Н.Н. Владимирским для Костромской губернии, различия между уездами могли быть пятикратные (см.: Владимирский Н.Н. Отход крестьянства Костромской губернии на заработки. – Кострома, 1927. – С. 78, 81-89, 97.)

¹⁵ По данным А.К. Байбурина (Байбурин А.К. К предыстории советского паспорта (1917-1932) // Неприкосновенный запас, 2009. - № 2 (64)), в 1913 году в России было выдано 13 миллионов только заграничных паспортов; внутренние же паспорта и «билеты», судя по данным отдельных губерний (напр.: Промысловые и кустарные районы Костромской губернии. Издание Кустарного Отделения Костромской Губернской Земской Управы. 1912 г. – Кострома: Губернская типография, 1913), ежегодно получало едва ли не на полпорядка-порядок большее число людей.

¹⁶ Сошлюсь здесь на интереснейший текст рукописи Николая Соколова из дер. Ледина Кологривского уезда (ныне Мантуровского района Костромской области), озаглавленной «Воспоминания Волокоскина» и хранящейся у директора местного краеведческого музея С.Н. Топорова, который любезно передал мне копию её; автор описывает работу и быт отходников в конце 19 века; как он ещё мальчиком отправлялся зимой вместе с отцом и братом в отход по дальним деревням шить шубы. См. также, напр.: Барыков С. Ученичество в малярном промысле Воскресенской волости Галичского уезда // Труды Костромского научного общества по изучению местного края. – Кострома, 1914. – Вып. 1. – С. 117-126.

¹⁷ См., к примеру: Плюснин Ю.М. Альтернативы жилищной стратегии России. Взгляд из Сибири // Перспективы Сибири, томск, 2004. Вып. 1. – С. 56-70.

¹⁸ Всего в 2011-2012 г. проведено 15 экспедиций и обследовано население 15 городов, бывших ранее известными центрами отходничества, а также районов. Костромская область: в Кологрив и Кологривский район, в Макарьев, в Чухлому и в Солигалич. Вологодская область: в Никольск и Никольский район. Тверская область: в Торопец. Республика Мордовия: в Темников, Ардатов, Саранск. Республика Чувашия: в Алатырь. Пермский край: в Чердынь и Чердынский район. Рязанская область: в Касимов. Ивановская область: в Кинешму. Ленинградская область: в Подпорожье. Архангельская область: в Каргополь. Кроме того, частично полевой материал (интервью с отходниками и экспертные интервью) собраны в областных городах: Костроме, Сызрани, Саранске, Перми, Ижевске. В Сибири получены материалы по отходникам в Алданском и Анабарском районах (улусах) республики Якутия и на Камчатке в Быстринском районе. За время полевых исследований проведено 293 записанных интервью (имеется более сотни незаписанных интервью, информация по которым содержится в дневниках исследователей) с 540 респондентами, среди которых были как сами отходники, так и местные эксперты и простые жители. Продолжительность интервью составляла от нескольких минут (10-15) до 1-2 часов (в среднем 30-60 мин). Часть респондентов (около 140 чел.) сами не являлись отходниками, но располагали сведениями об этой активности в отношении своих родственников и соседей, или, являясь представителями местной администрации, располагали сведениями об экономической активности населения. Все такие респонденты предоставили информацию об отходничестве разной степени полноты. Всего за этот период в базе данных Лаборатории муниципального управления ВШЭ собрано около 1000 файлов (включая более 100 аудиointервью, текстовые интервью с отходниками, отчёты исследователей, различные документы, собранные в органах статистики и муниципального управления на местах) в 13 папках, сформированных по проведённым экспедициям.

¹⁹ В качестве параллели укажу на две важнейшие причины трансграничной трудовой миграции: многие работники из новых среднеазиатских государств, с Украины и Молдавии остаются гастарбайтерами в наших столицах не только потому, что семья и хозяйство у них осталось дома, но и потому, что невозможно натурализоваться или просто поселиться в городе, где они нашли работу и куда некоторые из них, особенно молодёжь без семей, хотели бы переехать на постоянное жительство. См. также <http://www.hse.ru/news/1163611/60562231.html>.

²⁰ Кордонский С.Г. Россия – Поместная Федерация. – М., 2010.

²¹ Для того, чтобы удостовериться в этом, достаточно просмотреть официальные сайты администраций любого региона; на них обычно указана доля бюджетников как один из показателей занятости населения.

²² См., к примеру, об образе жизни городского населения Сибири в 19 веке: Гончаров Ю.М. Очерки истории городского быта дореволюционной Сибири (середина XIX – начало XX в.) – Новосибирск: Наука. - 2004. В то же время имеет место и иная точка зрения: некоторые исследователи считают, быстрое освоение Сибири было обеспечено именно благодаря традиции отходничества (см., напр.: Ремнев А.В., Суворова Н.Г. Управляемая колонизация и стихийные миграционные процессы на азиатских окраинах Российской империи // Полития, 2010. - № 3-4 (58-59). – С. 150 - 191).

²³ Например, по моим наблюдениям в Алданском районе на юге Восточной Сибири для подготовки строительства будущей трассы газопровода на вырубку леса зимой нанимаются местные эвены (Эвенский Беллетский национальный наслег респ. Якутии). Поскольку они нетребовательны к бытовым условиям и живут в палатках прямо на лесосеке, с такими бригадами из окрестных посёлков работодатели скорее предпочитают заключать договор, чем с бригадами из Молдавии или Украины. Хотя, по словам этих отходников, при этом их нещадно обманывают, но всё же заработки их несравненно выше доходов односельчан. Заработанные деньги тратят на обустройство дома, приобретение автомашин, снегоходов и тракторов, обучение детей и вывоз семьи «на юга». Это новая модель жизнеобеспечения весьма доходна, но такой способ жизни, к моему удивлению, вызывает резкое нареkanie со стороны местной «национальной интеллигенции», с точки зрения которой единственно правильный образ жизни эвенов – кочевое оленеводство с проживанием в чумах.

²⁴ Объём кустарных промыслов, продукты которых использовались в отходе составлял значительную долю: например, по данным Костромской губернской земской управы в 1906-1914 гг. крестьянских хозяйств с промыслами в губернии было 67%, а если вести расчёт не по всем наличным хозяйствам, а по наличным дворам (где могло быть несколько хозяйств; в среднем на одном подворье располагалось 1,33 домохозяйства), то промыслы были в 88% всех крестьянских дворов (Статистический ежегодник Костромской губернии за 1908 год. Часть 1. Сельское хозяйство и кустарные промыслы зимой и весной 1908 года. – Кострома, 1908. - С. 21-38; Промысловые и кустарные районы Костромской губернии. Издание Кустарного отделения Костромской губернской земской управы. – Кострома, 1913. – С. 24-25). Доходы же от промыслов составляли до половины бюджета подавляющего большинства крестьянских хозяйств (например, в Кологривском уезде Костромской губернии от 52% в 1908 до 33% в 1923-24 гг. (см.: Статистический ежегодник Кологривского уезда за 1926 год. Сельское хозяйство и крестьянские промыслы. – Кологрив, 1927). А, к примеру, в известном своими отходниками Чухломском уезде почти весь бюджет домохозяйства составлялся из доходов от промыслов (см.: Казаринов Л. Отхожие промыслы Чухломского уезда. – Чухлома, 1926. – С. 13-15.). В целом, по оценкам проф. Д.И. Деларова, условно-чистый доход крестьянского хозяйства в нечернозёмных районах Европейской России более чем на $\frac{1}{4}$ формируется за счёт промыслов, хотя он и признаёт, что точно определить это никак невозможно, имея в виду, что эти доходы в бюджете крестьянской семьи не на виду, в отличие от посевов и скотины, и крестьяне не склонны их афишировать (Деларов Д.И. Северная область и её место в народном хозяйстве СССР // Север, Вологда, 1928. - № 7-8. – С. 135-160).

²⁵ Как это, к примеру имеет место в Горном Алтае, в поселениях на Ае, в Чемале, Тюнгуре, Уймоне и прочих сравнительно новых туристических районах, где именно отходники, а не местные жители, составляют весь контингент торговцев, предлагающих туристам алтайские сувениры, «собственноручно» изготовленные в соседнем Китае.

²⁶ Сошлюсь на мои подсчёты по географии отходничества в восточных районах Вологодской губернии в середине-конце 19 века: «...Вот, к примеру, расклад направлений и расстояний отхода в одном из районов типичной «отходнической» губернии. В пределах 150–200 километров менее 30 процентов (это все занятые извозом), от 200 до 500 километров — 42 процента, а далее свыше 500 километров — 22 процента, причём шли не только в Москву и Санкт-Петербург, но и в Архангельск, и в Тифлис.» Василий Скалон. Неучтённые потоки // Эксперт, № 10 (744), 2011. <http://expert.ru/expert/2011/10/neuchtennyie-potoki/>

²⁷ В 2012 году 100 тысяч рублей соответствуют примерно 3 тысячам долларов США (текущий курс 30-32 рубля за 1 доллар). При средней нынешней зарплате «бюджетника» в провинции в 200-300 долларов в месяц заявляемый десятикратно более высокий размер оплаты труда отходника оказывается сильным притягательным стимулом, несмотря ни на какие негативные обстоятельства. К тому же люди любят похвастаться и несколько завышают размер заработка, когда делятся с друзьями-приятелями своими успехами.

²⁸ См.: Казаринов Л. Отхожие промыслы Чухломского уезда. – Чухлома, 1926. – С. 12-15.

²⁹ Забавное наблюдение было сделано нами во время поездок: усадьбы многих отходников имеют характерное отличие от усадеб соседей в том, что на дворе у них имеется множество разнообразных построек, и сам дом облеплен пристройками, стены и крыши которых изготовлены из разных материалов. Естественно возникло предположение, что всякий ремонт и новое строительство начинается, когда появляются деньги, а они у отходника нерегулярны и потому так различны по материалу и конструкциям многочисленные пристройки, сооружённые в разное время.

³⁰ Плюснин Ю.М. Жизнь вдали от государства // ЭКО, Новосибирск, 1999. - № 12.

³¹ Скалон В. Неучтённые потоки // Эксперт 14-20 марта 2011 № 10 (744). – С. 44-46.

<http://expert.ru/expert/2011/10/neuchtennyie-potoki/>